

F. ALTHEIM, Niedergang der Alten Welt, тт. I—II, Frankfurt am Main, 1953.

Ф. Альтгейм является одним из крупнейших буржуазных историков древнего Рима. Первоначально центр интересов Альтгейма лежал в области ранней римской истории. Одна из первых его работ—«История римской религии»¹ состоит из очерков, некоторые из которых представляют определенный научный интерес. Положительную в целом оценку получил очерк «Lex sacra», вышедший впоследствии отдельным изданием². В этом очерке автор выдвигает новый взгляд на происхождение плебейской организации. В работе «Италия и Рим»³ Альтгейм изучает историю Рима в тесной связи с историей внеримской Италии, что позволило ему дать подчас новое и свежее толкование отдельных вопросов истории раннего Рима. Альтгейм в этой работе, как это вообще характерно для него, стремится использовать материал новейших археологических раскопок и одновременно данные языка по новым диалектологическим нелатинским надписям VI—V вв., однако нельзя не обратить внимания на то, что он трактует новые данные главным образом в узком аспекте одной лишь проблемы заселения Италии «индогерманцами».

В последнее время работы Альтгейма, в том числе и рецензируемая нами, подверглись уничтожающей критике со стороны его западногерманских, английских и американских коллег⁴. Читая рецензии Латте, Кеннига и Уэльса и не зная самих работ Альтгейма можно составить себе ошибочное представление об их авторе, как о человеке, черпающем материал из вторых рук и чуть ли не невежде. Подобная резкая критика трудов Альтгейма во многом объясняется не только действительными недостатками и фактическими ошибками, а склонностью автора к широким обобщениям, которые претят современной буржуазной науке. В военные и послевоенные годы интересы Альтгейма, как и многих других западногерманских историков, перенесли в сферу Поздней римской империи. События ее истории стали рассматриваться под углом зрения современной ситуации; в падении гитлеровского рейха видели аналогию крушению Римской империи. Среди работ по истории Поздней империи труд Альтгейма занимает особое место как по своему объему, так и по некоторой новизне своего материала. Его нельзя поставить в один ряд ни с откровенно фашистскими статейками Аубина, поме-

¹ F. Altheim, *Römische Religionsgeschichte* I—II, B. 1931.

² ВДИ, 1947, № 1, рецензия проф. С. Л. Утченко.

³ F. Altheim, *Italien und Rom*, I—II, Lpz, 1941. I том «*Römische Geschichte*» F. am M. 1951 г. представляет собой незначительную переработку I тома *Italien und Rom*.

⁴ *Gnomon*, т. 26 тетр. 1, 1954, стр. 15—23; тетр. 7, стр. 476—480.

щенными в сборнике «От античности к средневековью»¹, ни с бессодержательной книгой Фогта «Константин Великий и его столетие»². Работа Альтхейма имеет положительные моменты, однако и в ней нашли свое отражение реакционные черты современной западногерманской и вообще буржуазной историографии.

Концепция автора раскрывается уже в введении к I тому. Историческое исследование представляет, по мнению Альтхейма, лишь тот интерес, что оно дает возможность сравнить настоящее с прошлым, рассмотреть прошлое в свете современных событий, понять настоящее и предвидеть будущее. Каждая новая эпоха, по мнению Альтхейма, дает свое понимание прошлого. Эпоха, начавшаяся после окончания второй мировой войны, требует нового объяснения событий римской истории. Особенного внимания, считает Альтхейм, заслуживает именно III век период, который якобы лучше всего может быть объяснен из современных событий и в то же самое время сам лучше всего может объяснить современную ситуацию.

В введении и на протяжении всего своего труда Альтхейм не только не скрывает, но даже постоянно подчеркивает, что его побудило заняться историей III в.: якобы поразительное сходство с современностью, что, излагая события и явления римской истории, он постоянно имеет в виду современное положение.

События современной истории, носящей универсальный характер, как объясняет Альтхейм, побудили его и историю III в. рассматривать как универсальную историю. Под «древним миром» Альтхейм понимает не только *Imperium Romanum*, но и другие империи — Иран и Китай, подвергшиеся почти одновременному нашествию «молодых народов» — кочевников. Стремлением автора рассмотреть во взаимодействии исторические судьбы всех народов, живших на огромных пространствах «от столбов Геракла до Желтого моря», труд Альтхейма выгодно отличается от работ других буржуазных исследователей, не выходящих обычно за круг проблемы «Рим и германцы».

Первый том охватывает историю народов Европы и Азии, не входивших в состав Римской империи. Альтхейм излагает историю Ирана, Китая, Северного Причерноморья, Северной Европы, Аравии, Тибета, Японии. В связи с этим Альтхейм наряду с греческими и римскими источниками использует также обычно не привлекаемые исследователями истории падения древнего мира китайские, арабские, иранские и многие другие памятники. Обширное место в работе занимает археологический материал, которому автор дает пирротную историческую интерпретацию. Следует отметить частичное знакомство автора с открытиями советских археологов в Средней Азии и на Алтае. Автор знаком с трудами С. В. Киселева, А. Н. Бернштама и ряда других советских исследователей, в этом отношении отличаясь от своих коллег, вовсе игнорирующих достижения советской науки. В то же самое время нельзя не заметить, что использует данные советской науки Альтхейм весьма ограниченно, а нередко и превратно толкует их.

Вовлечение в круг исследования обширного материала — универсализм — сочетается в труде Альтхейма с узостью и ограниченностью трактовки истории народов Европы и Азии. История «внеримского мира» подается лишь как военно-политическая и культурная история. Социально-экономическим явлениям автором не уделено почти никакого внимания. Важнейшие события внутренней истории Ирана и Китая вовсе не упоминаются или упоминаются мимоходом. Так, автор говорит о «беспорядках при узурпаторе Ван Мане» (т. е. о великом восстании крестьян) лишь в той связи, что оно дало возможность кочевникам усилить свой натиск на границы Китая (стр. 60).

Выпячивание военно-политических факторов в истории — характерная черта взглядов Альтхейма на события III в. И в этом смысле свою концепцию Альтхейм противопоставляет взглядам крупнейшего представителя буржуазной историографии XX в. — Ростовцева, видевшего в событиях III в. лишь внутреннюю сторону и счи-

¹ H. A u b i n, *Vom Altertum zum Mittelalter*, München, 1949.

² J. V o g t, *Constantin der Grosse und sein Jahrhundert*, München, 1949.

тавшего, что массовое движение сельских элементов против городской цивилизации, якобы имевшее место в то время, составляет основную черту этого периода.

Альтгейм прекрасно понимает, что взгляды Ростовцева на кризис III в. порождены его злобным отношением к Октябрьской революции, в которой реакционный историк видел аналогию событиям III в. Альтгейм отвергает концепцию Ростовцева как вызванную неправильным пониманием современности. Однако сам порочный принцип Ростовцева — оценка событий под углом зрения современности — не только не осуждается Альтгеймом, но фактически кладется в основу всей его концепции.

В истории «внеримского мира» автор видит только одно — выступление на историческую арену «молодых народов», обладавших «революционным видом вооружения — конницей». Значение этого рода оружия и кавалерийской тактики кочевников не приходится отрицать. Но автор переходит всякие пределы, когда всю историю народов Европы и Азии во II—III вв. сводит к одному фактору — увеличению роли конницы. Конница становится универсальной отмычкой, открывающей не только причины, способы и пути передвижения кочевых народов, но и причины кризиса и упадка древних оседлых народов. Объясняя причины упадка Ирана и Китая, автор говорит о перенапряжении сил, которое вызвала необходимость создания в этих государствах своей собственной конницы, о варваризации армии в связи с неспособностью китайцев, оседлых людей, к конной службе и т. д.

Особую главу он посвящает судьбам готов, проникших в Северное Причерноморье. Содержание главы гораздо шире, чем можно заключить из ее названия («Готы»). Автор рассматривает в ней также проблему ранних варварских вторжений в пределы римской территории, трактует вопрос о взаимовлиянии германских и кочевых народов. В этой главе сказались националистические взгляды автора, приведшие его к преувеличению роли германских племен.

Уже в начале этой главы автор, делая значительный исторический экскурс, причисляет к германцам, начавшим свои завоевательные походы, племя бастарнов. Между тем гораздо более вероятно, что бастарны — племя иллирийского происхождения, испытывшее на себе сильное воздействие кельтской этнической струи¹. Повидимому, не случайно Тит Ливий указывает на сходство, существовавшее между кельтским племенем скордисков и бастарнами в отношении обычаев и языка (*Ab urbe condita*, XL, 57), а некоторые другие античные авторы затрудняются точно определить этническую принадлежность бастарнов.

Стремясь превратить «германских» бастарнов в предшественников готов, Альтгейм без должных оснований отождествляет бастарнские походы с походами племен Причерноморья в III в. н. э., причем главным его аргументом является общность направлений этих походов.

Альтгейм, однако, вынужден признать, что культура местных сарматских племен оказала существенное влияние на бастарнов, квадов и другие племена. Признает он и наличие тесных политических связей между квадами и сарматами-языгами. Однако это влияние он распространяет лишь на сферу вооружения и военного дела вообще. Вместе с тем он не бросает упрека сарматам в том, что квады якобы позаимствовали у них позорный обычай унижаться перед победителем. Отсутствие этого обычая у германцев выгодно отличает их, утверждает Альтгейм, также от даков и их союзников (стр. 100).

Затем автор переходит непосредственно к описанию переселения готов и их «деяний» на новых местах обитания. В вопросе о переселении готов он стоит на традиционной позиции националистической германской историографии. Сильное воинственное племя готов, тесня все остальные племена, продвинулось на юг в Северное Причерноморье и стало здесь грозой Рима — так в немногих словах можно сформулировать суть этой позиции. Перемещение племен, теснимых готами, как считает Альтгейм,

¹ См. А. Д. Удалцов, Племена Европейской Сарматии, СЭ, 1946, № 2, стр. 45—46.

явилось важнейшей причиной антиримских войн; сами готы в начале III в. уже вступили в столкновение с римлянами.

Свои положения Альтгейм базирует на повествовании Иордана, готских сагах (стр. 102—103) и пр., хотя крайняя тенденциозность этих источников не подлежит никакому сомнению. Он извращает истинную картину передвижения готов и некоторых других германских племен на юг, совершенно умолчав о существовании славянских племен. Между тем эти многочисленные и воинственные племена вели в первые века нашей эры упорную борьбу за расширение своей территории, и именно в них нужно видеть тех «северных варваров», натиск которых вынудил германские и некоторые другие племена передвигаться в западном и юго-западном направлениях. По-видимому, готы уходили на юг в обстановке тяжелой борьбы со славянскими племенами, а отнюдь не в качестве какого-то непреодолимого потока переселенцев, ищущих лучших районов поселения.

Перейдя к описанию пребывания готов в Причерноморье (стр. 104 сл.), Альтгейм придерживается той же националистической традиции, однако в несколько смягченном виде. Согласно Альтгейму, в Северном Причерноморье встретились два потока: германский и иранский. Готы-завоеватели пришли с севера, завоеватели-аланы с востока. «Оба народа-завоевателя вступили в тесные отношения», пишет он (стр. 104). Готы претерпели значительное иранское влияние, переняв в особенности сармато-аланское вооружение, продолжает Альтгейм, но влияние было взаимным: обычаи готов и племен-конников взаимно дополняли и обогащали друг друга. Альтгейм особо подчеркивает то значение, какое в этот период приобретает тяжеловооруженная кавалерия, ставшая в бою решающей силой.

Несомненно, что эта теория двух потоков, встретившихся в Причерноморье, страдает искусственностью и схематизмом. Но Альтгейм пытается распространить ее и на последующий период времени, вплоть до IX в., когда германцы — варяги встретились на юге с тюркскими племенами (стр. 119).

При рассмотрении этой теории двух потоков вновь бросается в глаза игнорирование истории славянских племен; Альтгейм признает их влияние на судьбы Юга лишь начиная с IX в. (стр. 119); даже великие события VI—VII вв., когда славяне обрушились на Византию, остаются им незамеченными. Между тем славянские племена, уже с первых веков н. э. занимавшие значительные территории Прибалтики, Привисленья, Прикарпатья и Поднепровья, «являлись в Европе большой и активной творческой силой, в значительной мере определявшей общие пути исторического процесса»¹.

Вместе с тем, признавая влияние причерноморских племен на готов, Альтгейм все время выдвигает на первый план некую абстрактную этническую единицу, говоря об иранских завоевателях, об иранизме и пр. Между тем, несмотря на несомненную иранскую этническую принадлежность сарматских племен, они были в историческом отношении теснейшим образом связаны с аборигенами Северного Причерноморья и их культурой. Так, тесные связи поддерживались некогда между скифскими племенами и сарматскими племенами Поволжья и Прикаспия. С передвижением части сарматских племен на запад произошло смешение сарматов с родственными им скифами, причем сарматы, в том числе сильнейшее их племя — роксоланы, заняли лишь часть районов Северного Причерноморья². Конечно, вместе с тем нельзя отрицать и ведущее место сарматов в военном и культурном отношениях (см. П. Н. Т р е т ь я к о в, ук. соч., стр. 144—145).

В целом этническая картина Северного Причерноморья в тот период отличалась значительной пестротой. Здесь на исторической сцене выступали скифо-сарматские племена, происходило уже продвижение славянских групп населения; в Прикарпатья и Поднепровье обитали племена фракийского корня. Все это не желает видеть Альтгейм, хотя в описаниях походов III в. перед ним выступают различные племена «ски-

¹ П. Н. Т р е т ь я к о в, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 4.

² См. К. Ф. С м и р н о в, О погребениях роксолан, ВДИ, 1948, № 1, стр. 213 сл.

фов»: бораны, герулы, карпы, готы и др. Признав в начале главы взаимовлияние сарматов и готов, Альтхейм утверждает супрематия готов в Причерноморье. Он восхваляет боевой экстаз, якобы врожденный у германских племен, утверждает, что вопреки всякому сарматскому влиянию «германская сущность» восторжествовала; он говорит даже о германизации иранцев. Вопреки свидетельствам археологии на огромных просторах юга нашей страны и в прилегающих областях Альтхейм находит «влияние готской культуры» и именует германцев «носителями культуры». Альтхейм обходит работы тех наших советских ученых, которые неопровержимо доказали, что малочисленные и менее развитые в хозяйственном и культурном отношении германские племена постепенно подпадали под влияние местной высокой культуры (А. Д. Удальцов и др.).

Столь же мало состоятельно и утверждение Альтхейма о том, что готы совместно с аланами основали какую-то свою «русскую империю», ставшую могущественным защитником хозяйственного и культурного обмена (стр. 190). Известно, что в III в. н. э. в Северном Причерноморье происходило активное сложение племенных союзов, но источники умалчивают о каком-то готском государстве. Что же касается «империи Германариха», в которую, по мнению Альтхейма, входили даже угро-финские племена, то это был непрочный готский племенной союз, распавшийся вскоре под ударами гуннов.

Выше отмечалось, что Альтхейм в центре своей теории ставит войну и военное дело, выдвигая на первый план кавалерию и конный бой. Это положение он прилагает и к рассматриваемому разделу книги. Все развитие военного дела в Северном Причерноморье в период III в. он сводит к овладению ротами кавалерийским вооружением и тактикой конного боя.

Конечно, кавалерия играла большую роль в так называемых «скифских войнах» III в. Но она отнюдь не имела какого-то исключительного значения. Современник и историк войн III в. Дексипп писал, что у «скифов» наряду с «многочисленной конницей» есть также «многочисленная тяжело и легко вооруженная пехота» (Fr. Hist. Gr., т. III, фр. 19). Осада и взятие крупнейших городов Римской империи, осуществленные племенами Северного Причерноморья, были возможны, конечно, лишь при наличии многочисленной и боеспособной пехоты «скифов», действия которых так ярко описывает Дексипп. Наконец, широкий размах морских походов в III в. н. э. указывает на развитие у «скифов» морского дела. В походе 269—270 гг. приняли, например, участие тысячи кораблей.

Особое внимание в своем труде Альтхейм уделяет гуннам. И это не случайно. Гунны якобы представляют наиболее типичный образчик народа, непобедимая конница которого сыграла решающую роль в падении древнего мира. Вместе с тем гунны, по мнению автора, выступают в качестве связующего звена между историей Дальнего Востока и Запада. Для Альтхейма не существует никаких сомнений в тождественности хунну китайских летописей и гуннов времен кризиса и падения Римской империи. Между тем этот вопрос отнюдь еще не может считаться окончательно решенным. Известный болгарский исследователь гуннов Ив. Дуйчев не считает возможным признать, что гунны и хунны — одни и те же племена¹.

Для подкрепления своих взглядов на взаимосвязь гуннов и хунну Альтхейм привлекает данные о протоболгарах IX в., считая их гуннским племенем. На самом же деле, хотя они некоторое время наряду с другими германскими, тюркскими, угро-финскими племенами находились под властью гуннов, но вовсе не были гуннским племенем, как это убедительно доказал Ив. Дуйчев².

Протоболгары говорили на языке тюркского происхождения, но это еще не свидетельствует о том, что и хунну говорили на тюркском языке. Альтхейм, отождествив гуннов с хунну, рассматривает их историю в широких хронологических рамках

¹ «Bizantinoslavica», An. 13, № 2, 1952—1953.

² И в. Д у й ч е в, Едно изследване върху обществено-икономическата и политическата история на хуните, 1951.

(со II в. до н. э.). Он справедливо полагает, что нападения хунну заставили китайцев создать целую систему укреплений на своих границах и отказаться от старой военной организации, создав тяжело вооруженную конницу со всадниками, одетыми в металлический панцирь. Роль «гуннов» (т. е. хунну) на Дальнем Востоке в судьбах китайского государства он считает такой же, как и роль гуинов причерноморских степей и других варваров в падении Римской империи.

Поскольку между историей хунну и гуинов существует значительный хронологический разрыв, Альтгейм относит его за счет странствования гуинов «от степей Монголии до степей Венгрии». Курьезным является сравнение Альтгеймом освоения гуннами «великого восточного пути» с освоением в XX в. Великого северного морского пути.

При всем своем интересе к истории гуннов, Альтгейм не касается вопроса о характере гуннского объединения, как известно, представлявшего собой конгломерат самых различных племен. Альтгейм преувеличивает роль гуннов в истории, мало считаясь с историей племен, входивших в состав гуннского объединения или оказавших ему упорное сопротивление.

Единственное влияние на гуннов, которое Альтгейм признает, — это иранское влияние. Следы его он находит как в архитектуре времен Аттилы, так даже и в прото-болгарской архитектуре. Как справедливо замечает Ив. Дуйчев, «Альтгейм пытается воскресить теорию о персидско-сасанидском влиянии в области протоболгарского искусства, хотя теперь эта теория опровергнута»¹.

Альтгейм считает возможным говорить о письменности гуннов, хотя ее существование еще никем не установлено. Правда, Приск говорит о том, что Аттила приказал своим секретарям прочитывать имена гунских перебежчиков, но эти имена могли быть записаны латинским или греческим алфавитом, тем более известно, что эти секретари были присланы Аттиле императором Западной римской империи.

Глава, посвященная истории арабов в III в., начинается длинной цитатой (три страницы) из книги Лоуренса «Семь столпов мудрости». Верный своему принципу изучения прошлого под углом зрения современности, Альтгейм считает, что описание известным английским шпионом современных отношений может помочь пониманию истории и роли арабов в III в. Изучая историю арабов и других кочевых народов, Альтгейм опять-таки выпячивает военную историю и кавалерийскую тактику, отмечая лишь, что вместо коней арабы и берберы использовали верблюдов. Почти вся глава об угро-финнах посвящена ответу на вопрос: когда у них появилась лошадь, заменившая оленя? Для ответа на этот вопрос Альтгейм использует и данные карело-финского национального эпоса «Калевалы» и материалы последних раскопок Пазарыкских курганов.

Рассматривая все племена и народности, окружавшие страны древней цивилизации, в этом I томе Альтгейм почти совершенно не касается их социально-экономических отношений, выяснение которых может дать единственно правильный ответ на вопрос: почему же эти племена пришли в движение? Пренебрежение этим как раз и составляет самую слабую сторону в его истории так называемых «молодых народов».

Первая часть II тома называется «Империя и ее кризис».

Исходя из того, что «все события можно вывести в конечном счете из внешнеполитических условий» (стр. 29), автор объясняет главные черты социально-экономической истории Рима III в. напором «молодых народов», который в то время испытывала Римская империя. Делая экскурс в более ранний период римской истории, Альтгейм находит, что и там внешнеполитические события обуславливали внутренний кризис. Так, он объясняет кризис Римской республики II в. до н. э. тем сопротивлением, которое оказали римлянам нумидийцы и кельтиберы, народы, опять-таки широко использовавшие кавалерию. Кризис II в. до н. э. и кризис III в., по мнению Альтгейма, были обусловлены теми же причинами, но они отличались по силе и глубине. Кризис III в., в отличие от предшествующих кризисов, оказался смертельным.

¹ «Bizantinoslavica», An. 13, № 2, 1952—1953.

кризисом; он являлся следствием внешнего кризиса и может быть понят лишь из событий военной истории, из истории столкновения Рима с окружающими его народами.

Важнейшую причину кризиса III в. Альтгейм видит в том, что на Рейне и Дунае римляне разгромили государственные образования пограничных племен. Этот успех римской экспансии привел к уничтожению заградительной зоны, отделявшей имперские границы от племен между Балтикой и Черным морем. В образовавшуюся брешь и хлынули новые племена. Эти племена были полны молодой силы, тогда как племена, соседние с Римом, переживали как бы болезнетворный процесс вследствие длительного мира и контакта с римской культурой. Прибытие новых племен всколыхнуло соседей Рима, которых пришельцы наполнили новой силой и увлекли за собой.

В последующих разделах Альтгейм много внимания уделяет перипетиям борьбы за римский трон, причем эту борьбу он представляет как борьбу различных этнических элементов империи (стр. 371). В этой борьбе на римском троне сменяли друг друга африканцы, сирийцы, арабы, иллирийцы, пока дело не закончилось победой иллирийцев, которым и удалось в конце концов вновь скрепить развалившееся здание империи (стр. 371). И это удалось им сделать потому, считает Альтгейм, что они в пределах империи были молодым, полуварварским народом.

Высказывания Альтгейма о какой-то «заградительной зоне» и ее уничтожении не соответствуют действительности. Пограничные племена были не заградительной зоной, а важнейшими противниками Рима, их поражение в Маркоманской войне отнюдь не привело к прочному миру на Рейне и Дунае — столкновения продолжали нарастать (так, уже Каракалла воевал с карпами). На Дунае и Рейне складывались племенные образования, ставшие скоро грозой для Рима.

В рассматриваемом разделе Альтгейм очень подробно излагает военные события на Рейне, Евфрате, в Британии и других местах. Он детально описывает состояние римской обороны, изменения, происходившие в римской армии. Некоторые сообщаемые им факты представляют несомненный интерес (стр. 105 сл.).

Однако описание военных событий он дает нередко в отрыве от внутренней истории страны и все ее события чаще всего объясняет военным положением империи и военными задачами. Он не видит того несомненного факта, что борьба народных масс Римской империи обеспечивала успех наступлению варваров. Говоря о росте «гражданского самосознания» горожан, он не считается с явными указаниями источников о помощи низов городского и сельского населения вторгавшимся варварам (известно, например, что рыбаки Византия в 258 г. помогли «скифам» совершить переправу через Босфор).

Крайне тенденциозен Альтгейм в описании хода войн на Дунае. Зачинателями и движущей силой скифских войн он считает вновь прибывшие племена готов, которые привели в движение и увлекли за собой карпов и другие пограничные племена.

Разумеется, здесь перед нами картина, превратно отражающая события. Зачинателями борьбы с Римом на Дунае были именно эти пограничные племена — карпы (Zosim., I, 20), бастарны, язуги, и лишь впоследствии в развернувшееся наступление влились и пришлые племена готов. Источники никак не выделяют какой-то руководящей роли готов в войнах с Римом; для Деклппа, Зосима и других они такие же «скифы», как и все остальные причерноморские племена. Но Альтгейм никак не хочет признать этого положения, все обще-«скифские» походы он аттестует как «готские», лишь иногда упоминая о боранах и карпах. Описание отдельных «скифских» походов у него иногда довольно подробное, но встречаются также слияние двух походов в один, хронологические перемещения и пр.

Одной из важнейших проблем римской истории III в. является вопрос об изменении политической формы римского государства, о создании домината. Установление домината Альтгейм объясняет, тоже исходя из своей военной концепции. Эта государственная организация, по мнению Альтгейма, была вызвана необходимостью собрать все силы для отпора внешнему врагу. Политическую систему, установившуюся в Риме со времени правления Диоклетиана, Альтгейм именует также «системой принудительного государства» и объясняет ее характерные черты изменениями в характере рим-

«свой армии. «Профессиональная армия породила принудительное государство», — утверждает он. Профессиональное войско, несомненно, способствовало переходу от республики к империи, оно явилось орудием в руках основателей Римской империи, оно было опорой римских императоров, но само увеличение роли войска и милитаризация государства, как это ярко показывают события III в., объяснялись не только вторжениями соседних племен, но прежде всего нараставшей борьбой рабов и колоннов. Не случайно окончательное установление домината и важнейшие реформы армии, в том числе создание крупных мобильных соединений, которые предназначались для борьбы с повстанцами, произошли после подавления движения богаудов в Галлии.

Таким образом, Альтхейм ставит все понятия с ног на голову. Диктатура крупных землевладельцев и рабовладельцев — доминат для него лишь инструмент обороны границ, а глубочайшие социальные изменения в недрах империи — нечто производное и второстепенное, сводимое к тем же военным потребностям и задачам.

Специальные разделы книги посвящены римскому войску, мероприятиям по его комплектованию и содержанию. Альтхейм подчеркивает изменение состава римской армии, в которой все большую роль стали играть контингенты из мало романизированных провинций. Он особенно выделяет в III в. н. э. роль таких родов войск, как кавалерия и стрелки из лука. Рост значения кавалерии в системе римских вооруженных сил Альтхейм объясняет исключительно потребностями обороны против наступления конных народов. Автор восхваляет дисциплину и мощь римской армии, дух товарищества, царивший в ее рядах, и вместе с тем отмечает, что в I в. н. э. дисциплина упала, закипела борьба между отдельными армиями (стр. 113).

В этом падении дисциплины, внутренней борьбе, разъедавшей римскую армию, он и видит одну из основных черт кризиса III в. Необходимость противопоставить конным народам мощную кавалерию заставила Рим, считает Альтхейм, обратиться за помощью к полуварварским народам, что и повлекло за собой увеличение их значения. Некоторые из положений Альтхейма в этих разделах (рост значения новых родов войск и пр.) обоснованы. Однако Альтхейм не понимает того, что военные преобразования в империи вызывались не только потребностями охраны границ, но в не меньшей степени и потребностями борьбы с восстаниями рабов и колоннов. В выступлениях легионов на Рейне и Дунае, в Британии и Сирии находила свое отражение борьба провинциального населения за отделение от Рима, а упадок дисциплины, на который так сетует Альтхейм, нередко выражался в переходе солдат на сторону варваров или повстанцев.

Разложению римской армии в III в. Альтхейм находит парадоксальную аналогию в разложении гитлеровской армии в 1944 г.: чувство недоверия к руководству, политическая агитация, упадок солдатского духа. Упадок армии в III в. и в 1944 г. якобы имел общие причины — превращение армии в национальную армию. Это означало — призыв необученных контингентов, не умевших сражаться, несших большие потери и во всех неудачах обвинявших военное командование.

Из всего этого делается вывод, что время национальной армии, так же как и национального государства, осталось позади, что дело идет к созданию «агрегата государств». Автор полагает, что будущее принадлежит профессиональной армии, хорошо владеющей современной техникой, беспрекословно подчиненной фюреру и проникнутой духом сословной и корпоративной чести (стр. 178).

Таким образом, хотя весь второй том посвящен описанию событий III в. в Римской империи и автор неоднократно говорит о кризисе и упадке, понимание самого кризиса Альтхеймом носит узкий характер. Он видит в кризисе лишь одну сторону — натиск молодых народов, обладавших конницей, и перенапряжение империи, создававшей свою конницу для отпора врагам. Отсюда он выводит все остальные социальные явления, о которых он считает возможным лишь упомянуть. Так, важный стимул развития колоната он видит в необходимости обеспечить снабжение армии в условиях натурализации хозяйства и экономического кризиса. Видя во внешнеполитических событиях причину всех явлений внутреннего развития, Альтхейм объясняет ими и возникновение феодализма. Под последним он понимает появление в III в. зависи-

мых от Рима государств, которыми управляли наследственные правители, как, например, Оденат (стр. 111).

Не понимая, таким образом, сущности глубокого социально-экономического кризиса III в., Альтгейм дает ему узкую и одностороннюю оценку.

Для некоторых представителей современной буржуазной историографии характерно показное стремление заново рассмотреть исторический материал, построить новую схему исторического развития. Альтгейм оправдывает это стремление тем, что человечество после второй мировой войны переживает новую эпоху, требующую новой оценки прошлого. Но если объективно рассмотреть ультрасовременные теории Корнеманна и многих других представителей послевоенной буржуазной историографии, то нельзя не прийти к заключению, что их новизна является фикцией. Взгляды самого Альтгейма являются во многих отношениях развитием и распространением на историю III в. положений известного буржуазного историка прошлого столетия Леопольда Ранке.

Альтгейм берет у Ранке его категорическое отрицание роли экономических факторов в истории, выпячивание политической, и притом не внутренней, а внешнеполитической, военной истории. Подобно главе так называемой «исторической школы» в Германии Л. Ранке, Альтгейм отрицает объективные исторические законы, утверждая, что каждое поколение вправе создавать свою историческую концепцию, свою систему взглядов на прошлое человечества. Этот принцип приводит к субъективизму и к неоправданным аналогиям прошлого с настоящим.

Результаты этого метода видны на примере рецензируемого труда. Он представляет огромное здание с иногда интересными архитектурными деталями и звеньями, но построенное на непрочном фундаменте. Альтгейм рассматривает историю III в. лишь под одним узким углом зрения — военной истории или еще уже: роли конницы как нового рода войск. Как бы ни были интересны отдельные выводы и наблюдения автора в этом направлении, они не могут объяснить всего того многообразия явлений и событий, которое дает нам история III в. Альтгейм не видит главного в кризисе III в.: революционного движения рабов и колонов, социально-экономического и политического кризиса рабовладельческого общества.

Труд Альтгейма порой страдает бессистемностью, повторениями и перегрузкой материала, не имеющего прямого отношения к теме исследования, концепция отличается чрезвычайной искусственностью и фактически дает мало нового для понимания проблемы падения древнего мира.

*А. И. Немировский
А. М. Ременников*